

НОМОТЕТИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ В ОБЩЕСТВЕННЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Карен Хачикович

Момджян – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии и истории философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail:

karm48@mail.ru

В своей статье К.Х. Момджян предлагает аргументы в защиту номотетического познания в общественности и приводит доводы против сужения возможностей такого познания. Необходимость номотетических процедур автор связывает с существованием объективных, необходимых и универсально повторяющихся связей общественной жизни, превращающих ее в законосообразный процесс, несмотря на наличие свободной человеческой воли.

А.Ю. Антоновский, А.А. Аргамакова, В.С. Кржевов, А.Л. Никифоров выдвигают контраргументы, указывают на трудности в интерпретации социально-гуманитарного знания как номотетического, на неприменимость схемы классификации современных дисциплин посредством схемы номотетическое–идеографическое, утверждают, что установка на использование разных методов постижения «природы» и «культуры» влечет ряд противоречий и затруднений и практически неисполнима.

Ключевые слова: социальная теория, номотетический метод, свобода воли, ценности, социальная динамика, закономерности общественного развития.

NOOTHETIC COGNITION IN SOCIAL SCIENCES AND THE HUMANITIES

Karen Momdzhyan –

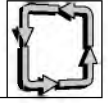
prof., Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy, Department of Social Philosophy and Philosophy of History.

In his paper Karen Momdzhyan defends the approach according to which the character of social and human sciences is about nomothetic. The author connects the need for nomothetic procedures with the existence of objective, necessary and universally recurring relations of social life, which turn it into a law-governed process in spite of the existence of free human will. He builds his argument on the scheme of the nomothetic cognition vs. the ideographic cognition. The nomothetic cognition searches for what is most general and common behind various events whereas the ideographic cognition concentrates on the analysis of what is particular. He argues against the postmodernist attempts to introduce only ideographic research paradigm into cultural and human studies.

Key words: social theory, nomothetic method, free will, values, social dynamics, regularities of social development.

Напомню, что термин «номотетический» закрепился в философии благодаря Вильгельму Виндельбанду, который предложил классифицировать науки не только по объекту, но и по «формальному характеру их познавательных целей» и разделил их на номотетические и идеографические. Номотетическое познание ориентировано на поиск общего, оно ищет устойчивые, воспроизводимые и повторяющиеся связи между явлениями и устанавливает тем самым онтологические законы, которым эти явления подчиняются.

Идеографическое познание, напротив, ориентировано на анализ единичного и однократного. Оно изучает не явления, а *события*, ищет не законы, а не-

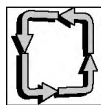
которые ситуативные *закономерности*, т.е. неслучайные связи между порождающей причиной и порожденным следствием, лишённые атрибута повторяемости.

Долгое время в европейском сознании именно номотетическое мышление считалось главным и исключительным атрибутом научности (на этом основании историческому познанию отказывали в статусе науки потому, что оно обращено на единичное и однократное и не способно воспарить к познанию общего). Позднее усилиями неокантианцев было признано, что наука может оставаться наукой и тогда, когда она решает номотетические задачи, и тогда, когда она обсуждает проблемы идеографические. На этом основании была реабилитирована история, признанная наукой, несмотря на то что суждения о законах истории Риккерт уподоблял суждениям о «деревянном железе» [Риккерт, 1902]. Было доказано, что идеографический метод не исключает поисков верифицируемой истины и может применяться не только «науками о культуре», но и «науками о природе». Как говорил Виндельбанд, биолог использует номотетический метод, когда изучает законы живой природы, и идеографический метод, когда изучает историю ее становления.

Этот паритет номотетического и идеографического подходов попытались нарушить представители современного постмодернизма, предпринявшие титанические усилия, чтобы переориентировать как минимум обществознание и гуманитаристику на решение исключительно идеографических задач. Все это сопровождается попытками дискредитировать номотетический подход под флагом борьбы с метафизикой, формами которой считают универсализм, логоцентризм и другие «маски догматизма».

Обществоведов призывают отказаться от эссенциалистской стратегии познания и заменить поиск «мертвящей всеобщности» на рассмотрение единичного и уникального в общественной жизни. К счастью, сторонников этой разрушительной идеи в Европе становится все меньше, но в России их, видимо, немало (во всяком случае противник номотетической традиции в социальной философии и общей социологии, критикуя мою точку зрения, имел смелость назвать меня «последним из могиқан») [Грипанов, 2010].

Какие же аргументы приводят в полемике с номотетической парадигмой? Давно и хорошо известные. Мы все прекрасно понимаем, что главной причиной, которая заставляет сомневаться в возможностях номотетического познания в обществознании, является субстанциальная специфика социальной реальности, качественно отличной от реальности природной. Эта специфика связана с тем, что люди, творящие социальную реальность, отличаются от физических тел и биологических организмов наличием свободы воли – способности варьировать поведенческие реакции на безальтернативные воздейст-

вия внешней и внутренней среды. Свобода воли – это самоиндукция человеческого сознания, т.е. способность психики вырабатывать такие инициальные факторы поведения, источником которых является сама психика, а не внешние по отношению к ней условия.

В отличие от какой-нибудь курицы, которая руководствуется простым правилом «голоден – ешь, страшно – беги, находишься в половом возбуждении – приступай к ухаживаниям», человек способен действовать альтернативно, свободно выбирать цели своего поведения исходя либо из эмоциональных предпочтений, либо рассудочного влечения к пользе, либо мотивов долженствования.

Многие философы считали и считают, что наличие у человека, названного И.Г. Гердером «первым вольноотпущенником творения», способности избегать поведенческой предопределенности выводит социальные действия за рамки фундаментальных принципов детерминизма, согласно которым одни и те же причины при одних и тех же условиях порождают одни и те же следствия. Законы существуют там, где снаряд, выпущенный из пушки, не может проснуться в нелетном настроении или саботировать свой полет из пацифистских побуждений.

Свобода воли дает человеку возможность вести себя по-разному, что исключает, по мысли постмодернистов, наличие универсальных и безальтернативных законов человеческого поведения. В результате социальная реальность предстает как совокупность уникальных и неповторимых событий, качественно отличных от явлений природы, где вариативность проявляет себя не как индивидуальность, а как «экземпляриность» единого. Соответственно научное исследование социальных процессов в его номотетической форме объявляется неосуществимым.

Я считаю эту презумпцию поверхностной и неадекватной. Убежден в том, что наличие у людей свободной воли ничуть не мешает существованию универсальных законов человеческого поведения, которые должны быть *открыты* номотетическим обществознанием и *использованы* обществознанием идеографическим. Гёте в свое время говорил, что историки терпеть не могут универсалии, но не могут без них обойтись. Если, объясняя уникальные причины Французской революции, вы не будете знать общесоциологические законы «революции вообще», ваш анализ едва ли будет убедительным. Единичные и неповторимые события не могут быть редуцированы без остатка к стоящим за этими событиями структурам – *универсальным законам общественной жизни*, но они не могут быть поняты без обращения к этим структурам.

Откуда же берутся универсальные законы общественной жизни? Думаю, что их существование объясняется двумя причинами.

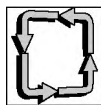
Первая – это наличие универсальных законов человеческого поведения, существенно ограничивающих свободу воли, мешающих ей превратиться из свободы в произвол. Назову некоторые из таких «дисциплинирующих» человека факторов, ограничивающие его выбор предзаданными вариантами.

1. Никакая свобода воли не позволяет нам «отменять» объективные предзаданные цели существования, присущие не только человеку, но и всем живым организмам, способным к поведению. Речь идет об инстинктивном у животных и *инстинктоподобном* у человека (термин Маслоу) *влечении* к сохранению факта и (или) качества жизни. Речь идет о присущих всему живому информационных импульсах самосохранения, имеющих дефициентный или бытийный характер. Всякое живое существо стремится обеспечить свое биологическое выживание и одновременно сделать его комфортным, минимизируя страдания и максимизируя удовольствия (в широком понимании удовольствия).

Конечно, мы должны учесть, что в ситуациях, которые экзистенциалисты называют «пограничными», когда нельзя одновременно сохранять и факт, и качество жизни, человек способен предпочесть качество факту, т.е. отказаться от жизни, не соответствующей его представлениям о достойном существовании. Но эту специфическую для человека способность не следует трактовать как отказ от объективного видоспецифического импульса к самосохранению. В этом плане большинство самоубийств есть следствие объективного влечения к сохранению качества жизни, которое действует в ситуациях, когда смерть представляется человеку меньшей из возможных утрат.

2. Если вам предписано стремиться к сохранению факта и качества вашей жизни, вы не можете игнорировать условия, при которых эта цель становится достижимой. Иными словами, вы не можете игнорировать такую важнейшую детерминанту поведения, каковой является система видоспецифических и исторически неизменных для человека *потребностей*.

Потребность представляет собой свойство субъекта нуждаться в том, без чего жизнь невозможна или некомфортна. Потребности выступают в качестве объективно-реального фактора деятельности, существующего как внепсихическая реальность, независящая от человеческой воли. Чтобы ни делал человек, он делает это ради одной из своих потребностей. Свобода воли позволяет человеку *ранжировать* свои потребности, оценивать их как первостепенные и второстепенные, подлежащие или не подлежащие удовлетворению. Однако сам факт наличия потребностей, их детерминирующего воздействия на поведение людей и неизбежной платы за депривационный выбор никак не зависят от предпочтений социального субъекта.

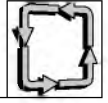
3. Никакая свобода воли не позволяет людям избежать детерминирующего воздействия, которое оказывает на их поведение такой фактор, как отличные от потребностей *интересы*. Они представляют собой свойство субъекта нуждаться в объектах-медиаторах, необходимых для создания и использования предмета потребности. Теоретически мы можем выделить четыре типа таких интересов: *орудийные интересы*, предметом которых являются *вещи*, т.е. предметы практического назначения, с помощью которых люди физически изменяют природную и социальную среду своего существования, а также собственное тело; *информационные интересы*, предметом которых являются *знаковые объекты*, с помощью которых люди изменяют не сам мир, а свои представления о мире и способах поведения в нем; *коммуникативные интересы*, предметом которых являются *другие люди*, рассмотренные с точки зрения участия (или неучастия) в осуществляемой деятельности; *организационные интересы*, предметом которых являются *связи и отношения* между людьми, которые должны создаваться и регулироваться, чтобы коллективная деятельность имела упорядоченный и эффективный характер.

Интересы оказывают мощное принудительное воздействие на человеческое сознание, о чем свидетельствуют многочисленные примеры того, как «идея» неизменно посрамляла себя, как только она отделялась от «интереса» [Маркс, Энгельс, 1955: 89]. Люди могут не осознавать свои интересы, произвольно ранжировать их, но эта «свобода» не является безнаказанной, она ставит под угрозу реализацию объективных целей существования, сохранение факта и качества человеческой жизни.

Наконец, никакая свобода воли не освобождает нас от детерминирующего воздействия со стороны имманентных психике устойчивых *мотивационных инвариантов*, которые основываются прежде всего на осознанных или неосознанных шаблонах культуры, усвоенных в процессе социализации. Речь идет о детерминирующем воздействии объективированных форм интерессубъективного сознания на «живое» сознание человеческих индивидов, что приводит к существенной унификации знаний, мнений, предпочтений и других психических реакций. Человек, которому нравятся стройные и длинноногие девушки, должен помнить о том, что если бы он жил в эпоху Рубенса, его предпочтения были бы существенно иными.

В результате совокупного действия названных детерминационных факторов область непредсказуемого для социальных и гуманитарных наук ограничивается важными для человека, но не для общества *личностно-индивидуальными* реакциями.

Виндельбанд прав: индивидуальная свобода как «последняя и глубочайшая сущность личности противится анализу посредством общих категорий» [Виндельбанд, 2007: 351] (хотя я не стал бы назы-

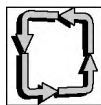

вать эту свободу «беспричинностью нашего существования»). Эта область непредсказуемого не распространяется на коллективное поведение людей, которое подчиняется объективным статистическим законам, нивелирующим индивидуальную вариативность.

Вторая причина существования объективных законов общественной жизни состоит в том, что социальная реальность включает в себя не только целенаправленные человеческие действия, но и порождаемые ими социальные *процессы*, которые возникают и развиваются спонтанно, независимо от желаний и ожиданий людей. Будучи стихийными по своей природе, эти процессы не зависят от свободной человеческой воли и подчиняются законам, которые никак не связаны с человеческой субъективностью. Примером такого рода процессов может служить генезис многих социальных групп, институтов и организационных «форм общения» людей (к примеру, европейского капитализма, который в отличие от технических инноваций, спонтанно породивших его, не строился по заранее продуманному «авторскому» плану). Другим примером подобных процессов может служить становление современной экономической *глобализации* (не путать с *глобализмом* как политической доктриной). Очевидно, что анализ таких процессов, не зависящих от человеческой субъективности, мало чем отличается от анализа природных феноменов. Именно это делает возможным использовать в общественных науках (прежде всего в экономических дисциплинах) методы синергетики, математического моделирования и проч.

Противники номотетической парадигмы считают, что номотетическое научное мышление в общественном знании невозможно в силу не только отсутствия универсальных законов общественной жизни, но и невозможности обретения человеком объективно-истинного знания. Речь идет о неизбежной вовлеченности ученого в процессы, которые он стремится объяснить. Подобное взаимопроникновение субъекта и объекта познания вызывает у некоторых философов сомнения в способности людей преодолевать свою ангажированность, понимать социальную реальность в собственной логике ее развития, искать объективную истину, не зависящую от ценностных предпочтений исследователя.

Глубоко убежден, что ценностное отношение к миру, неизбежное для человека, не должно трактоваться как астрономически непреложная обреченность на субъективизм. Полагаю, что такая трактовка не только ошибочна, но и оскорбительна для достоинства ученого, способного осознавать свои гражданские предпочтения и сознательно блокировать их воздействие на результаты научного поиска. Способы такого контроля хорошо описаны Максом Вебером, который предлагал ученому отличать свои *мнения* (субъективные ценностные предпочтения, которые априори не могут быть истинными или лож-

ными) от своих *знаний* (которые основаны на верифицируемых суждениях истины). Способность отличать мнения от знаний Вебер именвал «принципом интеллектуальной честности», которым должен руководствоваться любой уважающий себя обществовед или гуманитарий.

В завершение хочу сказать, что возможность строгого номотетического познания социальных процессов не означает, что подобный способ установления истины применим к любым видам обществознания и гуманитаристики. Было бы наивно ожидать прямых аналогий с естествознанием в таких областях, как литературоведение или историография, где применяются альтернативные процедуры герменевтического вчувствования в мотивы человеческого поведения. Но было бы серьезной ошибкой распространять ограничения, с которыми сталкиваются подобные интерпретационные дисциплины, на обществознание в целом, как это делают некоторые сторонники постмодернизма, призывающие социальную науку отказаться от эссенциалистской стратегии познания. Последовательно проведенный, такой подход погубит обществознание, помешает ему играть важнейшую ориентационную роль, обеспечивая успешную адаптацию человечества к постоянно меняющимся условиям жизни. Эта роль особо возрастает в современную эпоху, когда развеялась наивная уверенность в уже наступившем «конце истории», когда человечество вновь вступает в полосу кризиса, чреватого «негарантированными исходами».

Библиографический список

Виндельбанд, 2007 – *Виндельбанд В.* Прелюдии. М., 2007.

Грицанов, 2010 – *Грицанов А.А.* Последний из могикан (заметки о статьях К.Х. Момджяна) // *Личность. Культура. Общество.* 2010. Т. 12, вып. 2.

Маркс, Энгельс, 1955 – *Маркс К., Энгельс. Ф.* Святое семейство, или Критика критической критики против Бруно Бауэра и компании // *К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч.* 2-е изд. Т. 2. М., 1955.

Риккерт, 1902 – *Риккерт Г.* Границы естественно-научного образования понятий. М., 1902.